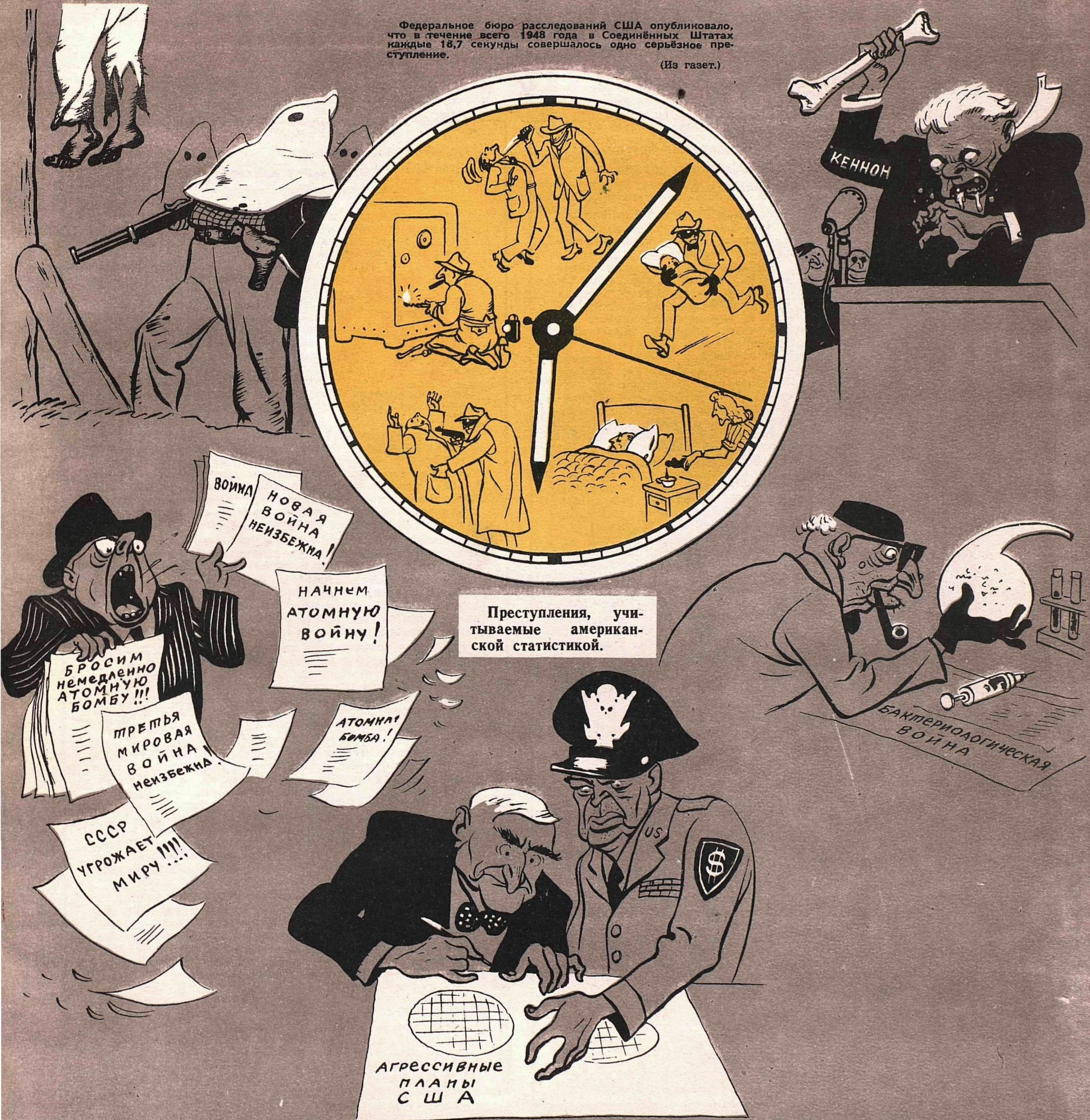

Федеральное бюро расследований США опубликовало, что в течение всего 1948 года в Соединённых Штатах каждые 18,7 секунды совершалось одно серьёзное преступление.

(Из газет.)

Стор. Египет-79.

КРОКОДИЛ

Еще кланялся...

Начальнику Казанского строительного-монтажного
управления Министерства высшего образования
тов. П. А. СЕКЛЮЦКОМУ

Уважаемый Пётр Антонович!
Наш Вам весенний поклон! Поздравляем Вас с новым строительным сезоном.

Не скроем, поклон наш имеет профилактический характер. Хотим предостеречь Вас от ложных шагов на Вашем дальнейшем пути — на строительстве нового химического корпуса Казанского университета.

Злые люди в Казани говорят, что, помимо научных дисциплин, которым Вас обучали в высшем учебном заведении, Вы по-настоящему глубоко и полно освоили одну. В списке вузовских предметов она не числится. Имя этой науки — очковтирательство.

Прошлым летом Вы проводили капитальный ремонт здания университета и восстанавливали домик химической лаборатории во дворе того же здания.

Взяв подряд на эту большую работу, Вы имели апломб, письменный стол, но не имели ни рабочей силы, ни строительных материалов. Посему добрую половину лета Вы водили за нос излишне доверчивых работников университета. И только в середине лета последние спохватились и стали вести ремонт своими силами.

Вам осталось лишь оплачивать университетских рабочих по своим ведомостям и сметам да отправлять московскому начальству пышные рапорты о мнимых производственных успехах вверенной Вам конторы. Это чудесное превращение из подрядчика в заказчика было произведено с необыкновенной лёгкостью. Рассказывают, что Вы даже жестоко обиделись на ректора университета К. П. Ситникова, когда он отказался завизировать Ваш рапорт министру о завершении капитального ремонта университетского здания в срок.

Что касается домика химической лаборатории, то из 66 тысяч рублей, отпущенных на этот объект, Вы сумели освоить лишь 40 тысяч и сдали заказчику работу незаконченной и недоброкачественной.

Зная Ваше пристрастие к переписке с московским начальством, мы просим с первой же оказией передать от нас поклон в Главное управление капитального строительства Министерства высшего образования. Сие управление ухитрилось все чертежи, проекты и технические документы, относящиеся к строительству химического корпуса Казанского университета, заслать в... Казахский университет, что в городе Алма-Ате!..

Эта «маленькая» оплошность — причина задержки стройки на целый месяц.

К слову сказать, когда Вы, Пётр Антонович, будете в Казанском горсовете, поклонитесь от нас председателю товарищу Головину и его предшественнику товарищу Якушеву. Гордиться-то они гордятся своим университетом, а вниманием и помощью его не жалуют.

Руководящие органы три раза обязывали горсовет помочь университету жилым фондом. Но руководящие органы постановляют, а горсовет не выполняет...

Извините, что мы испортили Вам весеннее настроение этим неudelикатным поклоном, но уж такова, как говорится, наша крокодильская функция.

С совершенным почтением.

Крокодил

ПО СЛЕДАМ ПОКЛОНОВ

В № 6 Крокодил кланялся по поводу безобразного обслуживания пассажиров пригородных поездов. Начальник Главного пассажирского управления Министерства путей сообщения СССР тов. Запорожцев сообщает, что министерством дано указание дорогам содействовать органам «Союзпечати» в налаживании продажи в поездах газет и журналов. Кроме того коллегией министерства принято решение усилить радиофикацию пригородных поездов.

Москва, Министерство заготовок СССР,
Главзаготстрой, главному инженеру и заместителю
начальника главка
тов. С. В. СЕМЕНОВУ

Уважаемый Сергей Васильевич!
Примите наш поклон и позвольте обратиться к Вам с необычным предложением — устроить встречу друзей.

На эту встречу пригласите начальника главка Министерства угольной промышленности Украинтопстроя Леонида Даниловича Вергасова, начальника Главкартонбумстроя Министерства лесной и бумажной промышленности Аркадия Порфирьевича Бисерова и бывшего начальника Главлесостроя Александра Петровича Калистова.

Что? Вы никого из них не знаете? Пустяки! Они и вас в глаза не видели. В том-то и необычайность встречи, что соберутся четыре совершенно незнакомых друг другу человека. Неловкое молчание, уверяю Вас, продлится не более минуты: стоит напомнить фамилию человека, пригласить которого по не зависящим от вас обстоятельствам возможно будет только через двадцать пять лет, — и сразу обнаружится, что у всех вас есть что-то общее.

Фамилия незнакомца, которому заботами суда и прокуратуры предоставили двадцатипятилетний принудительный отдых в домах заключения, — Долгих-Гостев-Бостев.

Вам, Сергей Васильевич, он представился как Долгих, бывший начальник строительства в системе Главцинк-свиноец, и предъявил трудовую книжку, куда собственноручно записал, что «уволен по собственному желанию», заверив запись печатью, хранившейся у него в пиджаке.

Вы не затруднили себя звонком по телефону в Главцинк-свиноец, где Вас любезно проинформировали бы, что Долгих сбежал со стройки, присвоив десятки тысяч рублей, а назначили его начальником строительства элеватора. И это обошлось государству в 100 тысяч рублей: ровно столько выручил Долгих за строительные материалы и автомашину, полученные им для строительства.

Через семь месяцев 100 тысяч иссякли, и Долгих предстал перед заместителем начальника Главшахтстроя, ныне начальником Украинтопстроя, Вергасовым, предъявив ему похищенные документы на имя Гостева. Вергасов проявил большую бдительность, чем Вы, Сергей Васильевич: он проверил паспорт, посмотрел на фотокарточку Гостева, сравнил её с физиономией Долгих и грустно заметил: «Однако как вы изменились!» И назначил его начальником строительства новых шахт в Хакасию. Визит Долгих-Гостева к Вергасову обошёлся государству в 50 300 рублей: именно на эту сумму он продал материалы, полученные им для хакаских шахт.

Пятидесяти тысяч хватило ровно на два месяца, и Долгих-Гостев, подчистив паспорт, явился уже как Бостев к Бисерову, руководившему тогда Главбумстроя. Тот принял его с распростёртыми объятиями и назначил главным инженером строительства в Кондопоге. Получив в Кондопоге подъёмные, Бостев уехал «за семьёй» в Казань, куда ему телеграфно перевели 6 тысяч.

Долгих-Гостев-Бостев был в отчаянии. Но свет, как известно, не без добрых людей. Бывший начальник Главлесостроя А. П. Калистов не только предоставил ему для ночлега свой служебный кабинет, но и дал ему возможность быстро и легко заработать 37 635 рублей, назначив главным инженером домостроительного комбината.

Всего доверчивость и доброта, проявленные Вами, Сергей Васильевич, и Вашими друзьями по будущей встрече, обошлись государству в один миллион рублей. Над этой круглой суммой стоит подумать и Вам и Вашим новым знакомым, которым просим при встрече передать наш низкий поклон.

Примите и проч.

Крокодил

ТАКОВЫ У НАС ДЕЛА!

Жинке — слава по заслугам,
Ну, а мне — не повезло:
Знает жинку вся округа,
А меня — одно село...

За отличную пшеницу
Жинку вновь зовут в столицу...
Но, увы, — её одну...
Вот дела-то! Ну и ну...

Раскрываю я газету —
Так и есть: опять она!
Улыбаюсь я портрету,
Всем твержу: «Моя жена...»

И ребята и девчата
Пишут жинке — адресату,
Похвалам тут нет конца;
Про меня же — ни словца!..

А порою всем ответы
Под диктовку я пишу,
Клею марки на конверты
И на почту отношу.

Всех, выходит, поучаю,
Как добиться урожая.
Сам-то я всего к тому ж
Знаменитой жинки муж...

И сказал себе я как-то —
По натуре я ведь горд:
«Ну-ка, сяду я за трактор
Да поставлю свой рекорд!»

...Вместе с жинкой мы
в округе
Ныне «знатные супруги»:
Ей почёт, и мне хвала...
Таковы у нас дела!

Перевёл с украинского
Борис ТИМОФЕЕВ

МЕДВЕЖИЙ ШТАТ

(Б А С Н Я)

Медведя сделали начальником
артели

В одном лесу.
Он взял в секретари лису
И, очень мало думая о деле
(Как очевидцы говорят),
Стал подбирать удобный штат.
Донельзя чуткая
к начальственному мнению,
Лиса пришла к нему
за утверждением,
Раскрыв тетрадь для заполнения
граф.

— Чьи заявления?
— Вот просится жираф.
На вид не горд и в обращении
прост
И трудолюбием как будто
знаменит.

Медведь нахмурился:
— Не нравится мне рост!
Он и меня, пожалуй, здесь
затмивит.
— Так, может, дятел пост занять
достоин?

По слухам, нет работника ценней:
Не знает отдыха...
— Он очень беспокоен.
Стучит, шумит...
Поищем поскромней!

— Так есть от зайца —
в аккуратной папке.
Талантами он, правда, не богат
И трусоват,
Зато привык ходить на задних
лапках.

Медведь кивнул:
— Отметьте! Есть расчёт
Зачислить зайца. Заяц подойдёт!

— Вот от совы! Как видно,
не глупа,
Но только днём почти слепа.
— Прекрасно, лисанька! Сову
к себе возьмём.
Не будет видеть то, что делаю
я днём!

Ещё?
— Да просится сорока!
Но от неё, похоже, мало проку!
Болтает всё.
— И ей найдём работу!
Сорока будет составлять отчёты...

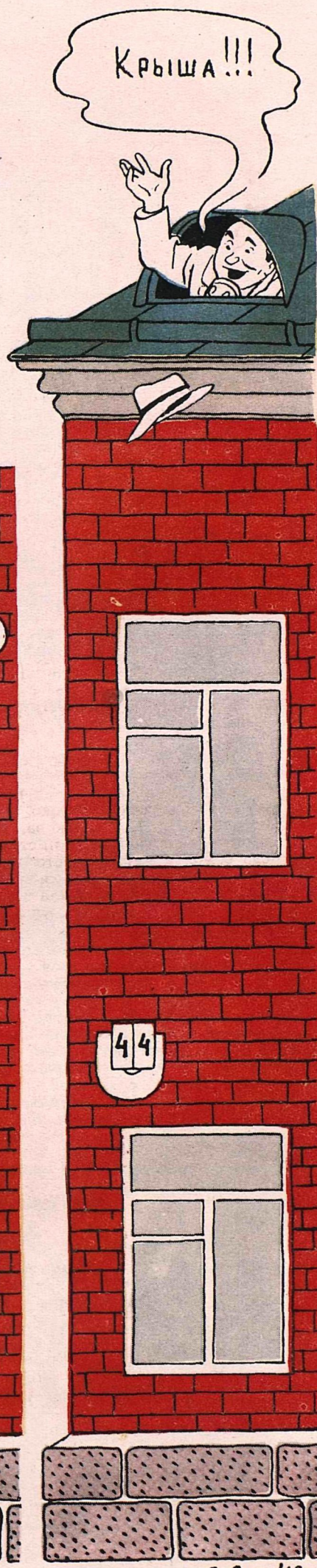
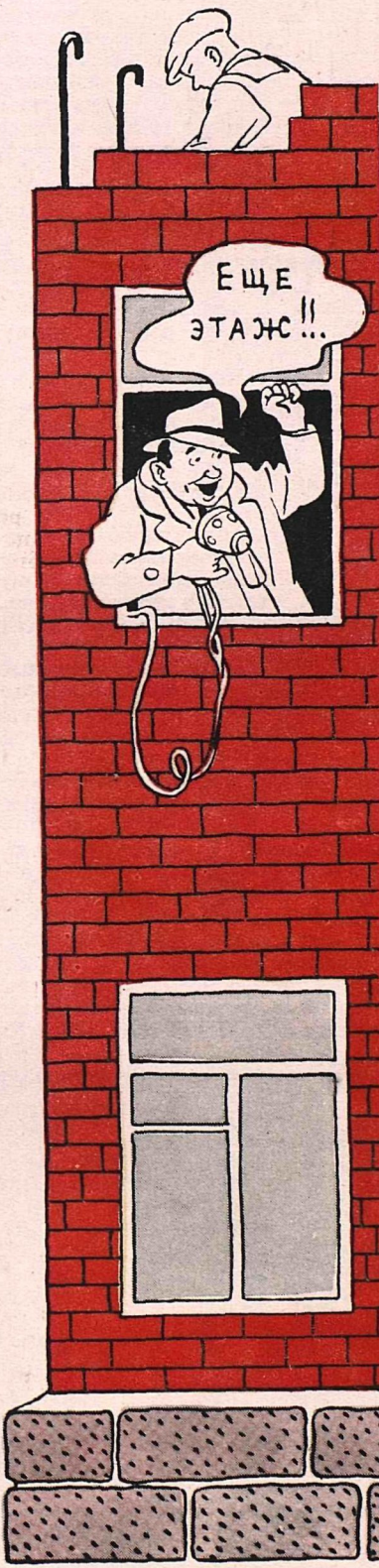
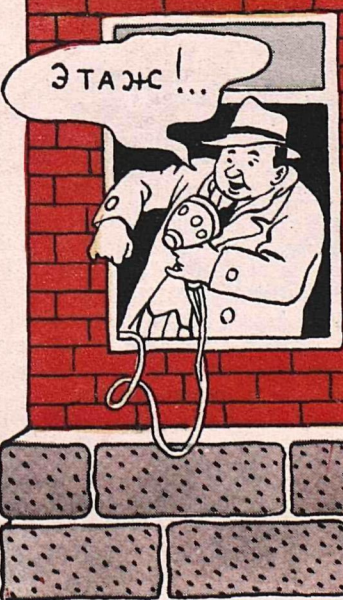
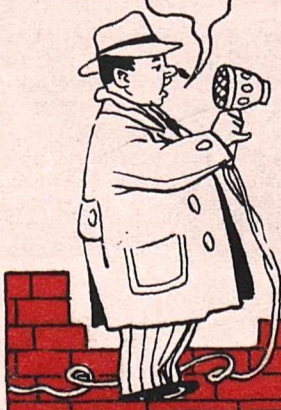
Приказ отступав в полчаса,
Всех трёх в артель оформила
лиса.

Я знаю: люди проверяются
в труде.
Мы, как никто, героями богаты,
Но согласись, читатель, кое-где
Ещё медведи подбирают штаты.

Юрий ЛЕБЕДЕВ.

г. Курск.

ВНИМАНИЕ!
НАЧИНАЕМ РЕПОРТАЖ
СО СКОРОСТНОГО
СТРОИТЕЛЬСТВА.

В Москве, на Песчаной улице.

Рис. Г. ВАЛЬКА

Несостоявшийся концерт

(ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ)

ВМЕСТЕ с группой советских писателей, учёных, работников искусства — А. Фадеевым, А. Опариним, С. Герасимовым, П. Павленко, М. Чиатурели, И. Рожанским — довелось мне побывать на Конгрессе деятелей науки и культуры США в защиту мира.

Я не собираюсь повторять уже известные советскому читателю подробности работы конгресса. Его значение, бесспорно, велико. Конгресс — это лицо простого американца: суровое, открытое, честное. Но есть у Америки другое лицо, совсем не такое свежее и румяное, как его изображают фокусники из шикарных многокрасочных журналов, вооружённые фотоаппаратами, ножницами и кисточками для ретуши. На этом лице так много следов гнусных пороков, что их не может скрыть даже самая густая и яркая краска. И улыбка на этом лице искусственная, скорее гримаса, чем улыбка.

Впервые такая Америка «улыбалась» нам в Европе, точнее — в американской зоне Германии. На аэродроме, откуда мы должны были лететь в Нью-Йорк, на нас набросилась ватага репортёров. Они смотрели на нас тусклыми, бесцветными глазами. Эти люди, искренно оживляющиеся только при виде долларов, словно по команде спрашивали: «Допускается ли в Советском Союзе свобода творчества?» Пришлось призвать на помощь всю выдержку, чтобы ответить спокойно.

Но то было днём, на аэродроме. Каково же было мне в одной из берлинских гостиниц на рассвете, когда я, проснувшись от стука, увидел в своём номере корреспондента с нацеленным на меня фотоаппаратом! Одно мгновение мне казалось, что я ещё сплю и вижу дурной сон...

Все, кто впервые подъезжает к Нью-Йорку, обращают внимание на небоскрёбы. Помните у Горького: «Сквозь косой дождь на берегу были видны дома в 15 — 20 этажей...» Помните у Маяковского: «...сквозь косой дым можно видеть ничего себе дома в 40 — 50 этажей».

Я не писатель, но, подлетая к Нью-Йорку, тоже обратил внимание на небоскрёбы. Сверху они казались огромными карандашами, которые какой-то озорной великан воткнул в землю. Позже, с земли, эти поразительно однообразные бетонные громады произвели на меня удручающее впечатление. Унылая, казарменная высота этих зданий не окрыляет, а принижает человека. Нет, это не архитектура будущего!

Итак, наш самолёт приземлился на ньюйоркском аэродроме. И тут мы сразу столкнулись с хвалёным американским «сервисом». Сутолока. Беспорядок. Люди мечутся в поисках нужного им самолёта... Хорошо, что нас встречали представители комитета по организации конгресса. В противном случае нам пришлось бы туго.

Работа конгресса — особая тема. Об этом я говорил в начале

этих заметок. Здесь мне хотелось бы высказать только такую мысль: если вся ярость Уолл-стрит могла родить лишь жалкую, нелепую демонстрацию против конгресса, насчитывавшую десять — двенадцать джентльменов подозрительного вида, то поистине неистребима в народе жажда мира, как неистребима сама жизнь.

Обычно к вечеру ряды «демонстрантов» заметно редеют; они оставались вшестером или впятёрку. Как же нам было не смеяться, когда мы читали в газетах, что «полиция с трудом сдерживает пикетчиков!» В самом деле, трудно найти что-нибудь более смешное...

После окончания конгресса состоялся грандиозный митинг в самом большом зале, Мэдисон сквер-гардене, где обычно устраиваются матчи боксёров. Ораторы выступали на ринге, и я тоже выступал на ринге. Речи я не произносил, а играл на рояле. Это был старый, выдавший виды инструмент.

Меня, как композитора, естественно, интересовала музыкальная жизнь Нью-Йорка. Я пошёл на симфонический концерт под управлением известного дирижёра Л. Стоковского. К сожалению, программа, за исключением произведений Хачатуряна, Сибелиуса, Брамса, не представляла интереса, хотя оркестр играл очень хорошо. Кстати, меня поразило то обстоятельство, что большинство находившихся в зале сидели, развалившись в креслах, в пальто и шляпах, хотя в вестибюле этого зала есть гардероб. Мне представилось всё это весьма необычным. Разве что-нибудь подобное можно допустить в Большом зале консерватории или Доме Союзов в нашей Москве!

В перерыве, когда я вышел покурить, моё внимание привлёк женский голос, настойчиво повторявший мою фамилию. Я попросил пропустить эту энергичную женщину. Она поздоровалась со мной и сказала: «Вы очень похожи на моего кузена». Вот и всё, что хотела сообщить мне эта женщина.

А я-то думал, что она намеревалась поговорить со мной о языке.

Две Америки — и какие же они разные! Одна Америка: жадные расспросы о современной советской литературе — наследнице Пушкина и Толстого. Другая Америка, подчинённая доллару, выпускает произведения великих писателей Льва Толстого, Вильяма Шекспира, Эмиля Золя в виде тоненьких книжонок, в которых из всего изумительного богатства мыслей и чувств оставлены только любовные сцены. Достаточно сказать, что роман «Анна Каренина» сокращён до 32 страниц и снабжён цветастой порнографической обложкой.

Таковы нравы американских бизнесменов от литературы.

Наше пребывание в Нью-Йорке оказалось слишком кратковременным. Тотчас после окончания конгресса государственный департамент поспешил нас предупредить. Смысл этого предупреждения сводился к следующему: власти США рассчитывают, что джентльмены в разумный срок покинут США.

Несколько позже министерство юстиции сообщило разъяснить нам, что подразумевается под разумным сроком. Оказывается: вам предлагается собрать вещи и удалиться из Америки. В противном случае будут приняты энергичные меры и т. д.

Нас пригласили на митинг в Нью-Арк. Там я намеревался исполнить свои произведения. Но сделать это мне так и не пришлось по милости «любителей музыки» из министерства юстиции. Как рассказывали мне потом, произошло следующее: когда участникам митинга стало известно, что советская делегация не допущена на митинг, лучом прожектора был освещён рояль и администрация сообщила:

— На этом рояле хотел сыграть Дмитрий Шостакович.

В знак протеста против произвола американских властей было объявлено трёхминутное молчание.

адреса

Хотя бритвы марки «Спорт» и являются во всех отношениях безопасными, тем не менее всячески не рекомендуем их приобретать.

Читатель В. Зайцев (Башкирская АССР) пишет в редакцию, что в 1947 году он купил такую бритву «Спорт». Однако сколько он ни бился, но так и не смог добиться того, чтобы бритва брила. В 1949 году он снова купил бритву «Спорт», на этот раз выпуска 1948 года. Несмотря на разницу лет, результаты оказались прежними.

Такое незавидное постоянство работников, изготовляющих тупые, небрежные предметы, вынуждает нас опубликовать их адрес:

Москва,
Большая Семёновская, 16.
Завод «Стальные изделия».
Директор — тов. Брагилевский.

* * *

В выпуске тупых изделий завод «Стальные изделия» не одинок. Артель, изготовляющая канцелярские булавки, много потрудились над тем, чтобы её продукция, упаси боже, причинила какую-нибудь боль потребителю. И нужно сказать со всей объективностью, что в этом отношении артель добилась больших успехов.

Концы канцелярских булавок абсолютно не остры и гарантируют от всяких царапин, а также от того, что ими можно что-нибудь скалывать.

С прискорбием сообщаем адрес этой артели:

Москва,
Артель «Провгвоздь».
Председатель артели —
тов. Кузнецов.

* * *

Игрушки приносят детям радость. Так думают все, кто любит детей. Но вряд ли промкомбинат, выпускающий детские волчки, хорошо относится к ребятам.

Купил волчок наш читатель А. Балыбердин из города Халтурина, Кировской области. Завёл его первый раз — волчок вертелся и пел. При вторичном заводе волчок только вертелся, но уже не пел. После третьего завода он уже и не вертелся и не пел. А после четвёртого завода... Впрочем, в четвёртый раз волчок уже вовсе не заводился.

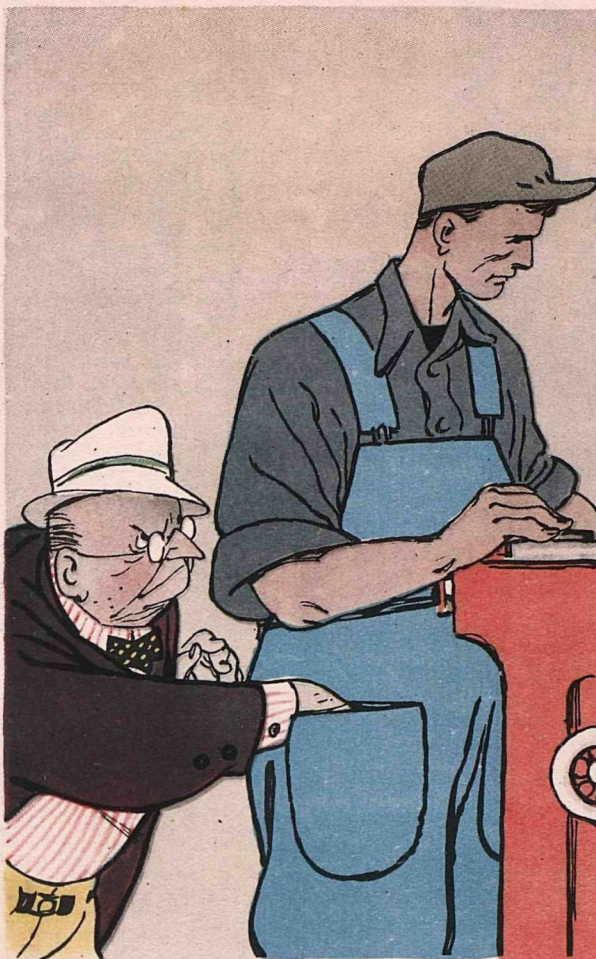
На коробке, в которой был упакован волчок, напечатан адрес авторов этой, с позволения сказать, игрушки. Охотно приводим его:

Ленинград,
Васильевский остров,
3-я линия, 74.
Промкомбинат Свердловского райсовета.

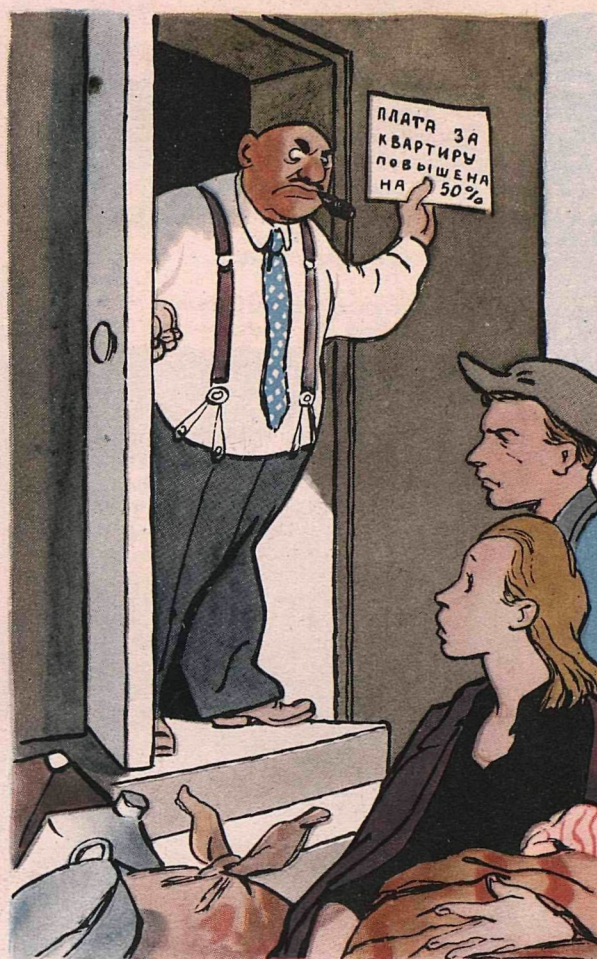
ОТ РЕДАКЦИИ

Редакция журнала Крокодил просит редакции районных и многотиражных газет регулярно высылать Крокодилу все выходящие на местах сатирические издания, уголки и «окна» сатиры.

Консультация для работников низовой печати по вопросам сатиры и юмора проводится по понедельникам от 5 до 9 часов вечера в помещении редакции Крокодила (ул. «Правды», 24, комната 511).

Карманщик
(хозяин).

Домушник
(домохозяин).

Наводчик
(профсоюзный лакей хозяина).

Специалисты по мокрым делам
(защитники хозяина).

«ВАКАНТНЫХ МЕСТ НЕТ»

Много недель эта молодая девушка, в совершенстве владеющая машинным письмом и стенографией, бродила по различным «оффисам» Нью-Йорка в надежде найти работу. И всюду она получала стереотипный ответ: «Вакантных мест нет». Отчаявшись в своих поисках, молодая американка решила рекламировать свои способности несколько необычным способом. Репортер одного из ньюйоркских журналов запечатлел её в момент очередной, но — увы! — безрезультатной демонстрации.

ЦЕРЕМОНИЯ ПОРКИ В ИТОНЕ

В Итонском колледже — одном из крупнейших учебных заведений Англии — до сих пор существует система телесных наказаний. Порка провинившегося обставляется очень торжественно, сопровождается определённым, истари заведённым ритуалом.

Экзекуцию выполняет обычно директор колледжа. Он сечёт жертву берёзовой розгой. Если вина учащегося считается особенно серьёзной, то его ведёт на место экзекуции школьный курьер. Он приводит его в старинную, обитую дубом комнату, где стоят знаменитые козлы, на которых производится порка.

Школьный курьер отстёгивает подтяжки жертвы, спускает с неё брюки и заставляет стать её на колени. Затем к наказуемому подходят два классных наставника и кладут руки на его плечи. После этого школьный курьер открывает двери экзекуторской и в неё быстро входит директор в служебном мундире. Третий классный наставник подходит к шкафу, вынимает оттуда берёзовые розги и торжественно передаёт их директору школы. Последний приближается к коленопреклонённому и, держа розги обеими руками, сечёт по обнажённому телу.

(«Тайм».)

РАДИОЭКСПОРТ

ЕСТЬ вещи похуже конских консервов! В этом жители маршаллизированных стран убеждены в самом ближайшем будущем. Речь идёт о том, что в текущем году предусмотрен экспорт большого количества радиорукописей и музыкальных программ американского производства в Западную Европу.

Перед нами несколько таких программ. Одну из них открывает разбитной малый:

— Хелло всем! Это говорит Редд Эванс. Многих интересует: учился ли я музыке? Конечно, учился! Сперва — на саксафоне. Но он так часто бывал у меня в залоге, что ростовщик играл на нём чаще, чем я. Затем я попробовал взяться за тромбон, но скоро обнаружил, что от его звуков скользят все предметы.

В Америке это считается лёгким, непринуждённым, шутивым конферансом.

Программа начинается выступлением выдающегося композитора Пауля Лзвеля. Конферансье продолжает «острить»:

— Поль, вы должны перейти на диету — пикуль с укропом и мороженое. Что вы будете играть?

— Я хотел бы сыграть мою последнюю композицию — «Кошмар за карточным столом».

— Я уверен, Поль, что это тонкая музыка.

После тонкой музыки о кошмарах картёжной игры слышен лепет младенца.

— Что я вижу! — восклицает конферансье. — Вот аист, верхом на котором сидит ребёнок. И смотрите (возбуждённо, драматически)... аист готов спуститься!

Следует сердитый лепет младенца. Аист убеждает курлычет:

— Конечно, конечно, у них есть продукция Джонсона.

Ребёнок радостно лепечет, аист влетает в детскую.

— Я думаю, — говорит конферансье, — любой ребёнок будет рад спуститься в дом, где есть всё, что делает жизнь малышкой гораздо счастливее: где есть шелковистая, смягчающая пудра Джонсона и мягкое бесцветное детское масло Джонсона. Делая покупки, ищите марку Джонсона.

Развлекать, так развлекать! У микрофона писатель Нельсон Бонд, автор премированного рекламно-коммерческого рассказа. Мимоходом Бонд говорит о том, что самое интересное в его творческой биографии — прекрасная брюнетка. Он влюбился в неё ещё тогда, когда бегал в коротких штанишках, и терпеливо ждал возможности жениться. Получив тут же, у микрофона, премию за рассказ, Бонд говорит расстроенным голосом:

— Благодарю вас, сэр. Позвольте мне выразить мою благодарность Объединению сыроваренной промышленности за те возможности, которые оно предоставляет молодым писателям.

Затем конферансье стремительно переходит к распространённому виду передач — «викторине». Слушателям предлагаются для опознавания тексты из священного писания, из американской конституции, из декларации независимости, из высказываний Линкольна. Среди торжественных слов о боге, о свободе, о милосердии раздаётся вкрадчивый голос ведущего:

— Средства Темса помогают от запоров. Не нужно воды. Просто положите таблетку в рот и проследите за результатами...

Как известно, людей с неустойчивой психикой одурманивать легче. Американское радиовещание прилагает много усилий к тому, чтобы внушить радиослушателям чувства ужаса, страха, покорности перед неумолимой силой рока. Глубокое моральное растление людей — единственное назначение многих передач. Это бесконечные драмы о привидениях, загробном мире, жуткая фантастика космических пространств. С помощью полицейских романов, интервью с преступниками, пьес, написанных начальниками тюрем, американское вещание вводит радиослушателя в мир преступлений и порока. Убийство стало настолько неотъемлемой частью американского вещания, что в стандартах звуковых эффектов рекомендуется:

«Вонзите нож в мешок с картофелем, и вы получите звук убийства ножом; бросьте на пол кусок говядины — звук будет соответствовать падению мёртвого тела».

Так по радио готовятся кадры будущих убийц.

Василий КРУГЛОВ

ГВОЗДЬ

— Стойте! — воскликнула гражданка в шляпе с вуалеткой, хватая за руку дряхлого старичка, спускавшегося по лестнице вестибюля метро. — Посмотрите сюда, на мой рукав! Что вы видите?

— Сейчас, минуточку... очки достану, — робко залепетал старичок. — Вот теперь вижу: на рукаве дырочка.

— Правильно! Я зацепилась рукавом за гвоздь. Вот за тот, что торчит в двери. Пойдёмте к дежурному. Будьте моим свидетелем.

И гражданка решительно потащила старичка за руку. За ней воинственно развевалась вуалетка с белыми мушками.

* * *

— Это возмутительно! Скоро, прежде чем войти в метро, придётся надевать спецовку. Я требую составить акт! Посмотрите, какая дырка! Дайте жалобную книгу! Буду действовать через суд!

Молодой дежурный по станции растерянно стоял за столом и терпеливо ожидал удобного момента, чтобы приступить к объяснениям.

— Прошу глубоко извинить, — наконец произнёс он, воспользовавшись секундной паузой, которая понадобилась гражданке, чтобы перевести дыхание. — Тут моя вина: после ночного ремонта не осмотрел дверь. Для нашей станции это неслыханный скандал. У нас до сих пор не было ни одной жалобы. Виноват! Скажите: как искупить вину? — спросил он.

Гражданка была явно обескуражена. Она ожидала, что с ней будут спорить, опровергать. А тут... Белые мушки на её вуалетке перестали бушевать и только слегка вздрагивали, показывая, что пыл хозяйки ещё не остыл.

— Надеюсь, вы согласны, что я имею полное право требовать покупки нового пальто, — всё ещё грозным тоном пояснила она. — И суд признает меня правой! Да, да! Но мне некогда заниматься судами, понимаете: некогда.

— Чего же вы требуете? За наш счёт заштопать дырку? Пожалуйста.

Гражданка была окончательно разочарована: слишком лёгкая победа не принесла ей удовлетворения.

— Подождите! — остановила она дежурного. — Может, вы не верите, что я порвала пальто на вашей станции? — подозрительно спросила она. — Пойдёмте! Я хочу, чтобы вы лично убедились.

— Разрешите мне удалиться? — просительно произнёс старичок. — Я опаздываю.

— Сейчас обследуем дверь — и вы свободны, — безапелляционно возразила гражданка и снова потащила старичка за собой.

* * *

«Комиссия» остановилась у злополучной двери.

— Понимаете, — с новым азартом начала пострадавшая, — вхожу я в метро — и вдруг...

— «Вхожу»? — удивлённо перебил её дежурный.

— Да, да! Я ведь уже рассказывала вам, — раздражается гражданка. — Вхожу я в метро, вот в эту самую дверь...

Тут она заметила на губах дежурного лукавую усмешку. С досадой повернув голову по направлению его взгляда, гражданка прочла над дверью чёткую надпись: «Выход. Входа нет».

Любовь РЫСС

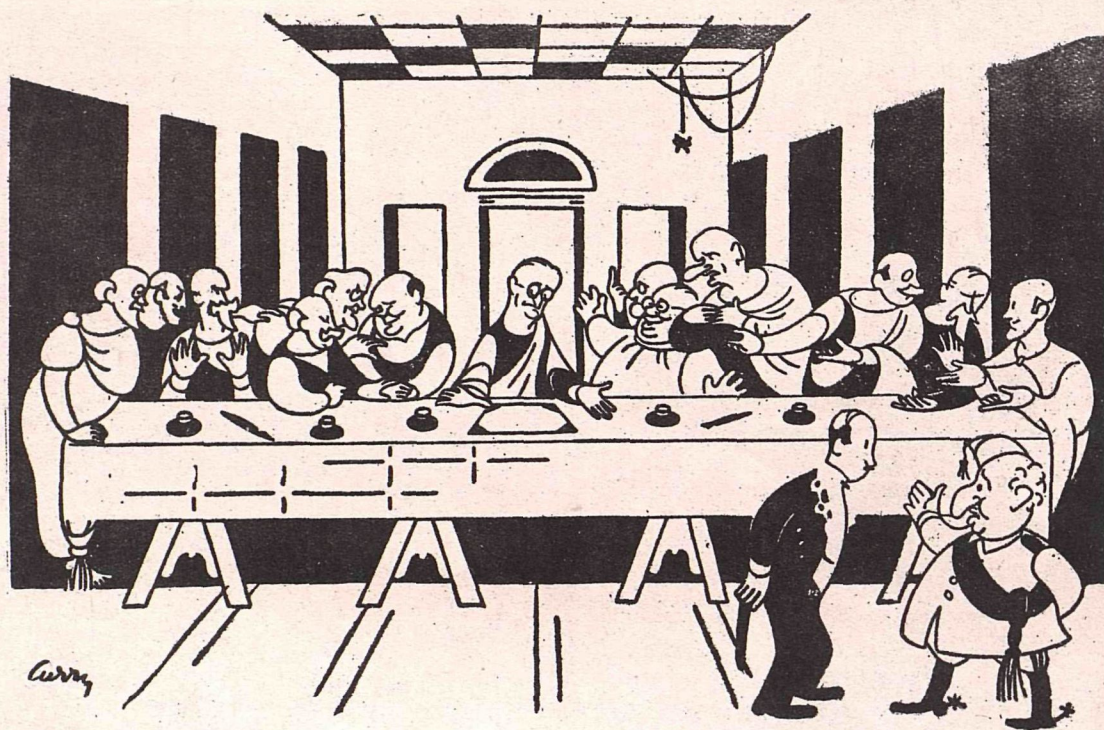
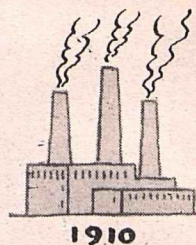
Рис. Л. СОИФЕРТИСА

ЛОНДОНСКИЕ ВИДЫ

— Как незаметно прошли четыре послевоенных года!.. Как были разрушения, так и остались.

Топравки фактические к пакту атлантическому

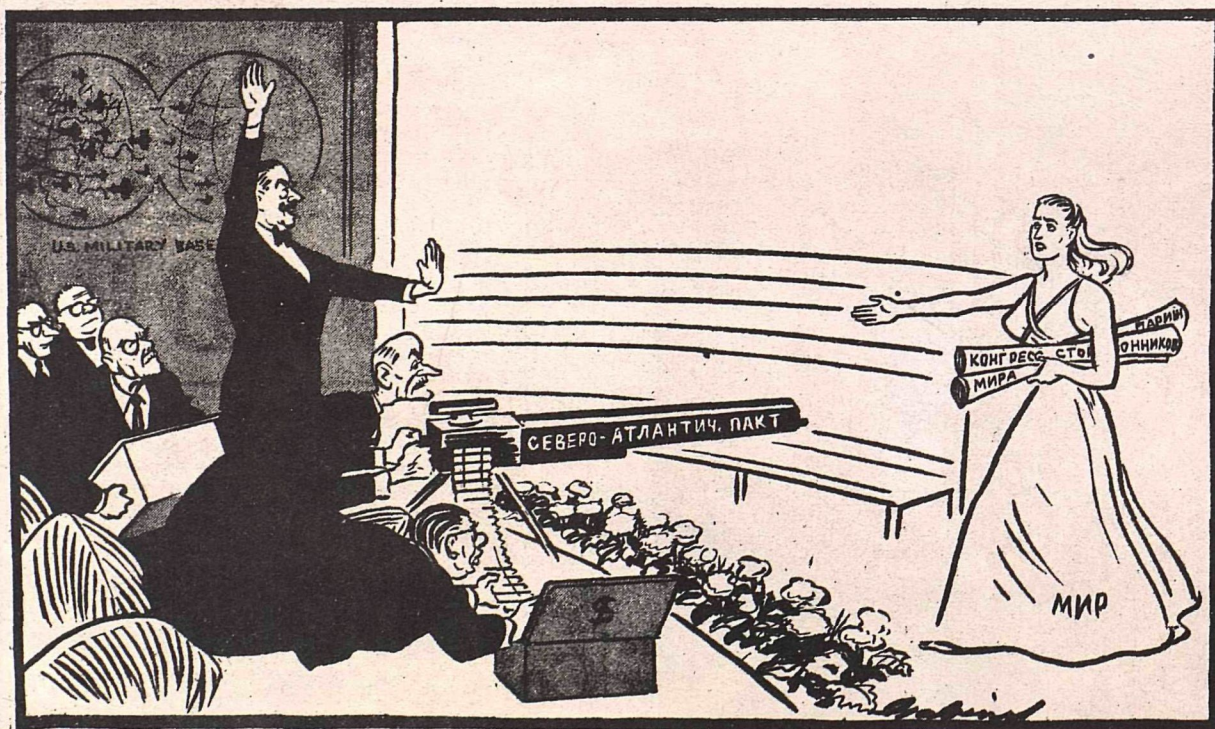
(ПО СТРАНИЦАМ ИНОСТРАННОЙ ПЕЧАТИ)

ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ
(Новый вариант)

ФРАНКО: — Может быть, вам новый Иуда понадобится? Я с большим удовольствием исполню эту роль!

(«Фран-тирер», Франция)

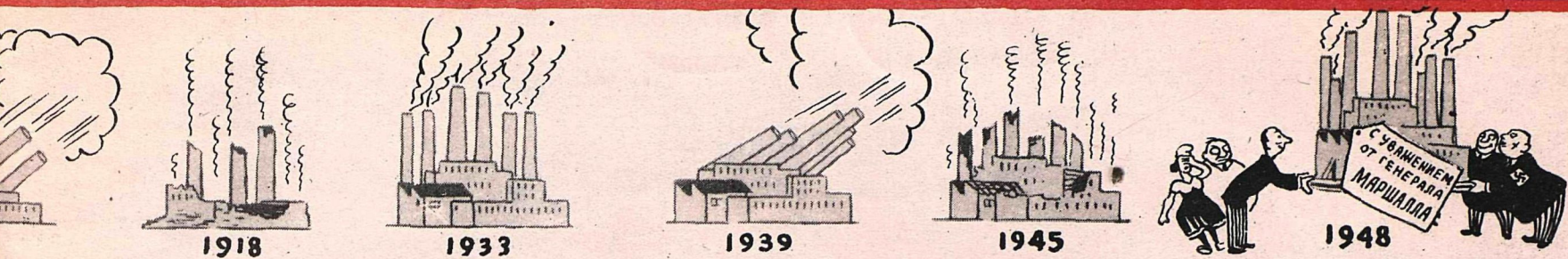
АТЛАНТИЧЕСКИЙ ПАКТ — ПАКТ ЧИСТО ОБОРОНИТЕЛЬНЫЙ

— Стоп! Или мы будем защищать себя!

(«Дейли уоркер», Англия)

Миш

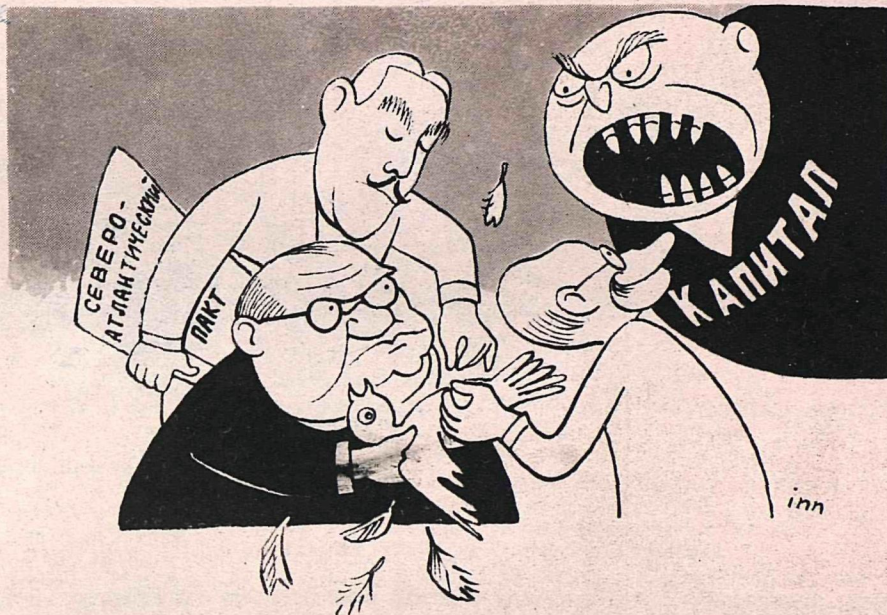
РЯД НЕВЕСЕЛЫХ ИЗМЕНЕНИЙ...
Германия, Североатлантический пакт и подготовка новой войны.

(«Националь гардиен», США)

Железный занабес

(«Франс-нувель», Франция)

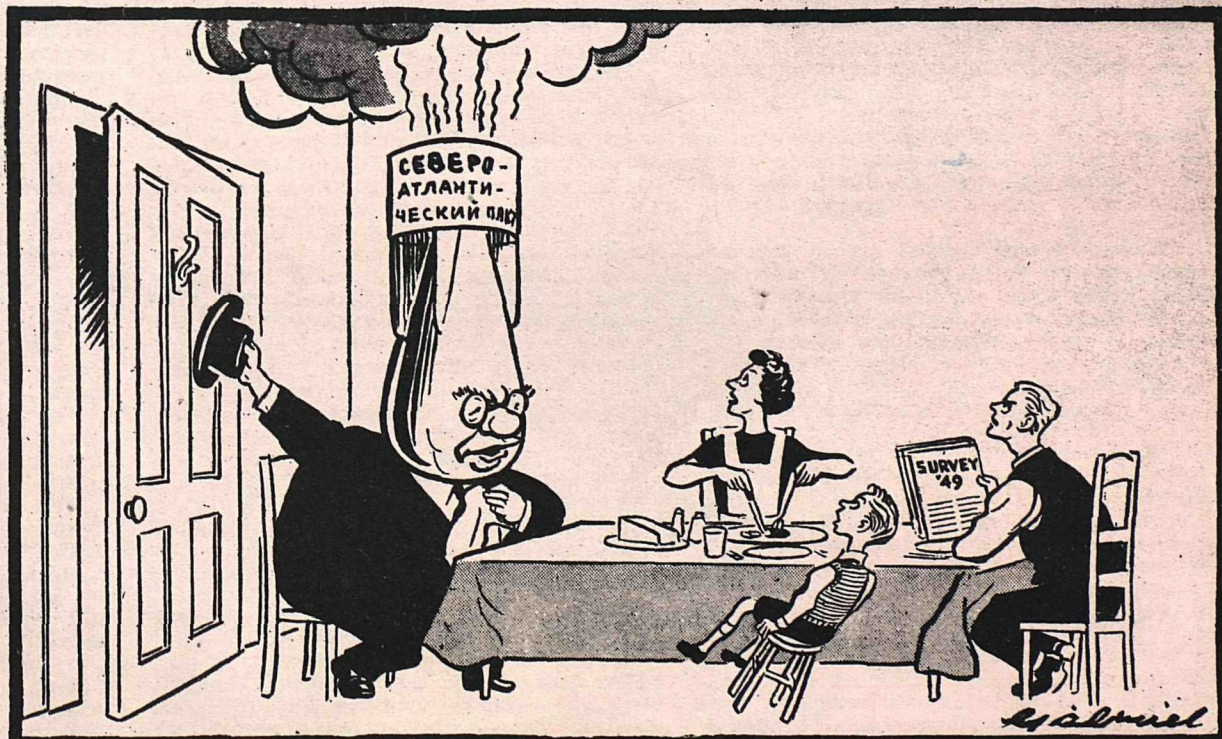
КАК БЫ НЕ ПОДАВИТЬСЯ!

— Зачем вы так долго возитесь с этим голубем мира? Я слопаю его в один момент.

(«Рогач», Чехословакия)

(«Дейли уоркер», США)

ГОСТЬ К ОБЕДУ

— Мир с вами, друзья мои!

(«Дейли уоркер», Англия)

Рис. М. ЧЕРЕМНЫХ

— А ну-ка, сбегай, Васютка, на ту сторону, погляди за стадом!

МИШЕНЬКА РАСТЕТ

ПРИШЕЛ Мишенька в наше учреждение прямо со школьной скамьи, из десятилетки: тоненький, бледный, робкий... От всякого пустяка краснеет, а к делу прилежный. Он сразу завоевал наши симпатии. Каждый из нас старался помочь этому юному существу.

Мишенька с работой быстро освоился и стал выполнять свои обязанности не хуже старой секретарши Марьи Петровны, которая прослужила у нас четверть века и ушла на пенсию.

Однажды кто-то сказал, что Мише, пожалуй, нечего засиживаться на этом месте, а расти нужно. Вполне понятно, что мы подхватили эту мысль и начали думать, что можно сделать для юноши.

В нашем учреждении работают главным образом инженеры да техники. Все учились в специальных заведениях. Вот кто-то и посоветовал:

— Копировщиком пусть будет...

Так и решили. Половину дня Мишенька свои обязанности выполняет, а другую — у чертёжной доски занимается. Способным оказался. Немного прошло времени, а он стал чертить не хуже других. Деньги уже появились: то костюм себе купит, то макинтош, то шляпу. Тут мы увидели, что наш Мишенька — очень симпатичный и красивый парень. Молоденькие чертёжницы стали на него заглядываться. А мы, старики, поглядывали: на ком из них Миша женится. Только Мишенька не очень-то благоволил к поклонницам. Поняли мы, что о женитьбе он не думает. Кто-то опять сказал:

— Расти ему надо.

Прямой путь из копировщика в чертёж-

ники. Стали обучать Мишу чертёжному делу. И тут он не осрамился, быстро понял. Мы все в восторге: ведь он наш воспитанник, — значит, и учителя неплохие.

Так работал он чертёжником больше года. Слов нет, работал хорошо. Какой рисунок перед ним ни положишь, всё в точности исполнит. Талант! И рискнули мы его на технику учить. Ну, понятно, здесь мы встретились с трудностями: у каждого из нас свой опыт, свой метод работы. Начали мы выкладывать перед Мишенькой всё, что знали, а толку получилось мало, больше спорили между собой. Видим, не в наших силах эта задача. Да и Миша прежнего интереса не проявлял. То зевнёт, то в зеркало посмотрится. Решили, что спорами мы у него охоту к учёбе отбили. Пошли к начальнику и стали просить отпустить Мишу в институт. Привели все доводы за. Убедили. Согласился начальник. Все мы рады сообщить своему любимцу новость. А он подумал, подумал и говорит:

— Повременю годок. Я и так расту.

Ну, сами понимаете, такого ответа мы не ожидали. Смотрим на него и не верим: не ослышались ли? Переспросили. Нет, не хочет учиться. В чём дело? Что с ним стряслось? Не могли догадаться.

Начали за ним наблюдать. Ничего как будто особенного: кто-то позвонит ему, свидание назначит с кем-то. Дело обычное, молодое. Только обидно стало, что Миша встречается с кем-то посторонним, не из наших... Но вмешиваться в личную жизнь не решались: щекотливый вопрос. Однако всё-таки решили как-нибудь прибрать его к рукам. Устроили однажды вечер и ду-

маем: не вытерпит Мишенька, на танцы останется, тут мы с ним и поговорим. Что вы думаете? Не остался! Стало ясно, что влияние со стороны сильное. Поехали месткомовцы домой к нему.

Давно, давно надо было съездить. А мы и не додумались, что, кроме нашей конторы, есть ещё у Миши личная жизнь, которую тоже иногда коллективу знать не мешает.

Жил Миша с тёткой. Та нам всё и разъяснила: раньше двенадцати ночи домой не приезжает, денег на питание не даёт, всё на духи тратит, с какими-то франтами встречается, кутит с ними, пьянствует.

Попытались с ним поговорить...

— Это, — отвечает, — моё частное дело... Мне уже не шестнадцать лет... Я паспорт имею...

Так ни к чему и не привёл наш разговор. Крепко подпал он под влияние этих самых франтов.

Прошёл год, другой...

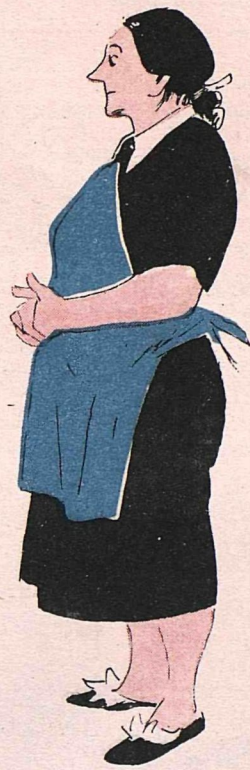
Мишенька стал уже Михаилом Семёновичем и хоть компании с франтами не водит, но выпивает здорово. И сам он горько жалеет, что не пошёл тогда учиться по нашему совету. Иногда удаётся ему сделать хороший чертёж, он и радуется:

— Видите, я не зря время теряю — расту!

А нам, конечно, от его слов не по себе становится. Возлагали мы на него большие надежды... Ведь вот в соседнем учреждении Людочка с Мишей в один год десятилетку окончила, а теперь инженер, над кандидатской диссертацией работает.

Н. НОГИНА

Дела семейные

УБРАВ со стола посуду, Дарья Васильевна подошла к мужу, надевавшему калоши перед уходом на службу, и заявила ему решительным тоном:

— Филя, сегодня вечером мы идём в кино. «Встреча на Эльбе». Билеты куплены.

Филипп Семёнович сдвинул очки на лоб.

— Сегодня не могу, Дашенька, — кротко сказал он, — сегодня вечером я должен написать статью в стенгазету... Пойди с Серафимой Ивановной.

В голосе жены послышались раскаты отдалённой грозы:

— Опять не можешь?! Ну, знаешь, мне это уже надоело! Что ты, редколлегия?

— Я не редколлегия, Дашенька. Но наш местком плохо готовится к отпускной кампании. И я должен это осветить.

Гроза разразилась:

— Кто ты такой, в конце концов: экономист или писатель?! Подумаешь, нашёлся Анатолий Франс!

— Дашенька, Анатолий Франс в стенную газету не писал.

— Я знаю, что не писал. Ведь Анатолий Франс был умным человеком и занимался своими делами, чего нельзя сказать о некоторых экономистах. Мне надоело ходить в кино с Серафимой Ивановной. Замужем я, в конце концов, или не замужем?

Предоставив жене возможность на досуге разобраться в этом сложном вопросе, муж ушёл в трест. Дарья Васильевна сунула в «авоську» банку для томата и отправилась за покупками.

Шагая по Тверскому бульвару, она с горечью размышляла о том, что муж её вечно ввязывается не в свои дела: то в комиссию какую-нибудь влезет, то организует смотр рабочих предложений, то ему поручают провести экскурсию в музей...

Её мысли прервал детский вопль. Оглянувшись, она увидела крохотную девчурку, которая упала на свою же игрушечную колясочку. Не в состоянии подняться без посторонней помощи, она принимала единственно возможные для неё меры: горько плакала. Дарья Васильевна кинулась к ней, подняла, отряхнула пыль с пальтишка и с воинственным видом оглянулась. К ней торопливо бежала женщина в сером платочке.

— Это ваш ребёнок? — спросила Дарья Васильевна. — Нечего сказать, хорошо вы за ней смотрите! Разве так можно?

Отчитав женщину, виновато стоявшую перед ней, Дарья Васильевна отправилась в магазин.

Там, выбрав хороший кусок мяса, она обратилась к заведующему:

— Иван Антипыч, вы меня знаете, я ваша постоянная покупательница, и магазин мне нравится. Но это — прямо безобразие! Посмотрите на витрину, сколько там пыли! Разве можно такие вещи допускать?

Заведующий испуганно ринулся к витрине. Дарья Васильевна вышла с чувством исполненного долга.

— Скажите: как мне пройти к Библиотеке Ленина? — обратился к ней пожилой мужчина с чемоданчиком.

Дарья Васильевна начала объяснять. Потом она решила, что мужчина её не поймёт.

— Вы, наверное, приезжий? Я сразу догадалась... Знаете, я иду как раз в ту сторону и могу вас проводить.

С удовольствием выслушав благодарность и комплименты о чуткости московских женщин, наша хозяйка, наконец, сделала всё, что было нужно.

Но, возвращаясь домой, Дарья Васильевна, уже порядком утомившаяся, увидела картину, от которой сразу пришла в плохое настроение: привязав к двум молодым тополям верёвки, двое подростков устроили импровизированные качели; деревца жалобно скрипели.

— Что это вы делаете, сорванцы?! — грозно спросила Дарья Васильевна.

— А вам какое дело? — дерзко глядя на неё, ответил мальчишка. Дарья Васильевна даже задыхнулась от негодования:

— Как это какое мне дело? Люди сажают деревья, чтобы воздух чище был в Москве, чтобы она красивее была. Разве вам в школе ничего не говорили о «зелёном друге»?

Дарья Васильевна разошлась. Забыв, что нужно готовить обед, она прочла ребятам лекцию о древонасаждениях, о пользе лесов.

— Подумайте, как было бы плохо, — заключила она, — если бы вдруг исчезли все деревья.

Подростки смущённо молчали.

— Что это за тётенька? — спросил один другого, когда Дарья Васильевна, воинственно размахивая «авоськой», поспешила домой.

— А я откуда знаю? Депутат, наверно... Знаешь, что, Лёшка? Давай отвязывай верёвку...

* * *

...После обеда Филипп Семёнович прилёг отдохнуть. А жена, взяв лист бумаги, села за письменный стол и отчаянно закричала пером.

— Что это ты, Дашенька, пишешь?

— Во Всесоюзный радиокомитет, — торжественно заявила жена. — Письмо радиослушателя... Ты понимаешь, Филя, — возмущённо добавила она, — вчера по радио сказали, что конная статуя Петра в Ленинграде — творение Растрелли! А я знаю, что её делал Фальконет. Нельзя таких вещей допускать!

— Ну, пусть Фальконет. Но тебе какое до этого дело? Ты что, скульптор Манизер или Мухина?

Потрясённая такой косностью, Дарья Васильевна вскочила. Она хотела разразиться гневной тирадой. Но вдруг заметила, что муж её лукаво и многозначительно улыбается, словно поймал её на какой-то шалости.

И она звонко захохотала вместе с ним.

И ГОД ЗА ГОДАМИ ИДЕТ ЧЕРЕДОЙ...

Гослитиздат свыше десяти лет тянет издание полного собрания сочинений Маяковского, Салтыкова-Щедрина, Чернышевского, Шекспира, Горького, Мопассана, Шиллера и других классиков.

Рис. В. ГОРЯЕВА

КЛАССИКИ (обращаясь к первопечатнику Ивану Фёдорову):— Хоть бы вы помогли Гослитиздату нас напечатать!

КРОКОДИЛ ПОМОГ

◆ Крокодил уже сообщил о мерах, принятых Аджарским обкомом КП(б) Грузии в отношении лиц, доверившихся проходному и аферисту Воскобойникову, о котором в № 3 был напечатан фельетон.

Как сообщает секретарь Харьковского горкома КП(б)У тов. Потгорелов, бывший председатель артели «20 лет РККА» Г. Д. Величко и бывший коммерческий директор молочного комбината И. И. Кириченко за утрату большевистской бдительности, за преступно-спекулятивную сделку с проходным Воскобойниковым исключены из рядов ВКП(б).

Директору молочного комбината Г. К. Чернякову за отсутствие контроля за работой коммерческого отдела,

в результате чего комбинат закупил у Воскобойникова на 280 тысяч рублей недоброкачественных цитрусовых соков, объявлен строгий выговор с предупреждением.

Горком КП(б)У объявил выговор заместителю прокурора города Харькова М. Н. Леонову за необоснованное приостановление следствия по делу Воскобойникова.

◆ Вся деятельность заведующего Псковским городским отделом культпросветработы тов. Давлетгиреева свелась к организации танцевальных вечеров. Об этом сообщил Крокодил в № 6 в своей фотовитрине. Исполком Псковского областного совета депутатов трудящихся признал работу тов. Давлетгиреева неудовлетворительной и от занимаемой должности освободил.

ВИЛЫ В БОК СЕРВИЗ С СЮРПРИЗОМ

Студенты Ленинградского педагогического института имени А. И. Герцена, проживающие в общежитии № 8, в комнате 31, были несколько удивлены, увидев пожаловавшего к ним коменданта с ношей в руках.

— Привет победителям конкурса на лучшую комнату! — выпалил он одним духом. — А это я вам принес премию — сервиз. Правда, вас 19 человек, а сервиз всего на 6 персон, ну, да ничего! Как-нибудь обойдётся. Дорог не подарок, а, так сказать, любовь...

Польщённые вниманием девушки стали благодарить стража тишины и порядка, но он только замахал руками:

— Нет, нет! Меня благодарить не за что. Это администрация позаботилась, чтоб вашу образцовую комнату украшал редкостный сервиз. Её и благодарите!

Долго ли, коротко ли пользовались девушки сервизом, но только снова приходит комендант и, потирая руки, вопрошает:

— Ну, как? Хорош сервизик? Вот то-то же! Только вот что, девушки: заверните-ка сервиз, как был. Знаете, пара к паре и всё на своё место. Попользовались — и хватит. Согласно приказу администрации, я должен сдать его на склад. Им теперь других будут премировать.

Видя смущение девушек, комендант подбодрил их:

— А вы не горюйте! На этот год объявлен новый конкурс на лучшую комнату. Может, вам опять повезёт завоевать первенство, и тогда, чем чёрт не шутит, несколько дней попользуетесь сервизом. На доброе здоровье...

Интересно, кто на сей раз окажется счастливым?

АИ, БУЛАК!

Пассажирский поезд, выбивая мажорные трели на стыках рельсов, летит под благодатным солнцем южной весны.

Окна в вагонах открыты. Не глядя в окна, пассажиры безошибочно определяют координаты:

— Подъезжаем к Казани!.. Вслед за этим географическим прогнозом окна в вагонах, как по команде, наглухо закрываются.

Причиной такой проницательности пассажиров, как нам сообщает тов. А. Туртанов, служат запахи. Не весны, нет! Зловонные запахи протекающей в Казани речушки Булака. Старожилы говорят, что запахи эти отмечены ещё в прошлом столетии в городском справочнике. Безвестный автор писал: «И протекает вокруг Казани река зело зловонная, именуемая Булак».

Председатель Казанского горсовета тов. Головин — по сравнению с историей Булака совсем молодой человек: он всего два года председателем в Казани. И вполне понятно, что современные историки в путеводителях по Казани ещё не сделали записи: «Стараниями председателя горсовета зловонная река приведена в культурный вид».

А очень бы хотелось видеть такую запись в казанских летописях!

УПРЯМАЯ ГЛЫБА

Твёрдый характер у тов. Верницкого, начальника руднянской межрайонной конторы Сельстроя (Смоленская область). Твёрже железобетона. И сам он весь, прямо, глыба гранитная!

Обратились к нему 18 рабочих, с которыми он второй год не может никак рассчитаться за проделанную работу. Верницкий даже глазом не повёл. Не моргнул он и тогда, когда народный суд обязал его рассчитаться с рабочими до 1 августа 1948 года.

Сдвинуть глыбу с места пытались и районная газета, и областная газета, и управление Министерства юстиции, и прокуратура области.

Но, увы! Как пишет нам тов. А. Кузьминов, глыба даже не пошевелилась.

Не дрогнула она и после того, как в дело вмешались Министерство юстиции РСФСР и Прокуратура республики.

Глыба ни с места. И стоит недвижимая. А неподалеку от неё прокурор Руднянского района П. Кошелев стоит и со стороны не набоится: кто только не пытался сдвинуть глыбу... и всё без толку! Какая, должно быть, у неё сила!

Дорогой Крокодил!

Говорят, что чудес не бывает. Заведующий сельхозотделом Чауского района, Могилёвской области, тов. Шабельников решил опровергнуть столь нечестивое суждение.

Свою чудотворную деятельность он начал с послания старшему районному агроному:

«Дать указания участковым агрономам узнать результат анализа проверки семян. Заставить те колхозы, где семена некондиционные, довести семена до посевных кондиций к 30 апреля. Доложить о проведённой работе к 5 мая».

В Могилёвской области весенний сев начался задолго до 30 апреля. Лёгкое ли дело — «довести до посевных кондиций» семена, погружённые в землю и давшие уже ростки!

Не следует, однако, думать, что заведующий рассчитывал на подземное чудо. Вряд ли строил он свои расчёты и на «чудеса в решете». Нет! Он ждал чудес на бумаге. Крепко уповал, что агрономы пришлют ему к 5 мая умиленные доклады:

Дорогой Крокодил

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

«Работа проведена. Семена доведены. Результаты анализа блестящи».

Если же к осени из-за некондиционных семян урожай кое-где в колхозах окажется не таким блестящим, то заведующий развеждёт руками:

— Вот чудеса-то!..

Доведи до его сведения, дорогой Крокодил, что советские законы не покровительствуют таким чудесам.

И. КОТОВИЧ,
заместитель директора
по политчасти МТС

Чаусы.

Уважаемый Крокодил!

М. Ю. Лермонтов, вероятно, не подозревал, что его незаконченный

роман «Вадим» писался под влиянием Виктора Гюго. А между тем В. Закруткин, доцент кафедры русской литературы Ростовского на Дону университета, легко и просто удалось это доказать.

В своей книге «Пушкин и Лермонтов», на странице 273, маститый лермонтовед ошеломляет читателей следующим открытием:

«Поэзия уродства» была широко разработана в романах Гюго. Гуинплен («Человек, который смеётся») и Квазимодо («Собор Парижской богоматери») особенно показательны в этом отношении, и Лермонтов, конечно, очень интересовался этими героями».

Беру на себя смелость опровергнуть утверждения уважаемого доцента насчёт заинтересованности Лермонтова Гуинпленом, хотя бы потому, что роман Гюго «Человек, который смеётся» был опублико-

ван в 1869 году, то есть спустя 28 лет после смерти М. Ю. Лермонтова.

Г. ШАПОШНИКОВ

Ростов на Дону.

Товарищ Крокодил!

Сколько времени, по-твоему, требуется для того, чтобы досконально, во всех деталях изучить правительственные постановления об освобождении школьных зданий?

В Алма-Ате эти постановления изучают больше четырёх лет. Не знаешь ли ты, сколько ещё лет их будут изучать? А главное, через сколько лет их начнут выполнять?

Попутно, если тебе нетрудно, выясни: через сколько лет привлекут к ответственности дирекцию завода имени Кирова? Прошло уже четыре года, как он не освобождает школьное помещение.

А ведь говорят, что обещанного только три года ждут.

О. АНОШКИНА,
старший экономист Статистического управления Казахской ССР

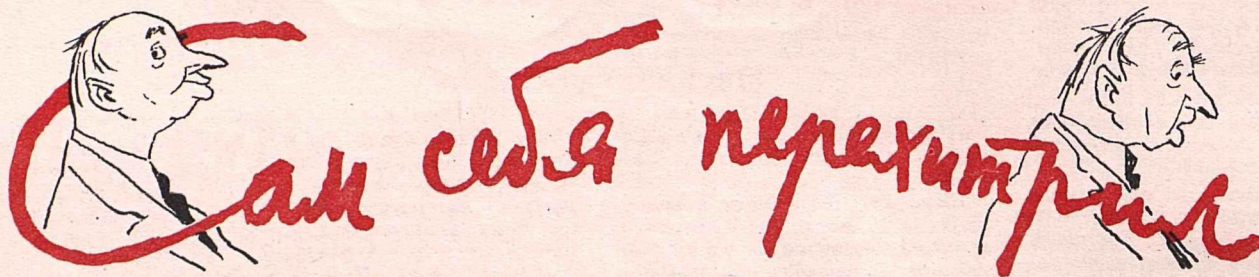
г. Алма-Ата.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ЗАВКОМА НА ЛОНЕ

Рис. К. ЕЛИСЕЕВА

— Вот наш пионерский лагерь. Может, заедем?
— Зачем? Я бездетный.

Чекильцов числился помощником начальника планового отдела. А по существу являлся добровольным помощником директора конторы. Он, Чекильцов, считал, что так оно и надо. Он считал, что гораздо полезнее отдавать время и силы на угождение начальству, чем на исполнение прямых обязанностей. Начальство всегда может отметить, отблагодарить, наградить. Стало быть, держаться надо около директора! Чекильцов так и держался. И вдруг директор зашатался. Поскольку контора своего плана не выполнила (Чекильцову это было точно известно), назначено было обследование. Председатель комиссии по обследованию, заняв один из кабинетов конторы, ознакомился с делами, вызывая к себе сотрудников. Было очевидно, что в ближайшие дни будет приглашён для беседы и Чекильцов.

Как в этом случае держать себя? По зрелом размышлении, Чекильцов решил, что он должен прежде всего убедиться вот в чём: будет ли снят директор конторы в результате обследования? Если снимут директора, тогда можно говорить начистоту. А если дело обернётся так, что директор останется на месте, то не надо сообщать ничего, умаляющего его директорские способности и распоряжения. Решено! Так Чекильцов и делает.

Дня через два после того, как Чекильцов принял своё мудрое решение, его вызвали к председателю комиссии. Входя в кабинет, Чекильцов мысленно повторял: «Главное — прощупать: останется наш директор или нет? И до тех пор, пока не учую этого, ни гу-гу!»

Председатель комиссии пригласил Чекильцова присесть.

— Если не ошибаюсь, — сказал он, — вы помощник начальника планового отдела?

Чекильцов немножко подумал (в голове у него мелькнула мысль: «Это-то можно ему сказать? Пожалуй, можно!»):

— Угу. Утверждён приказом 14 марта 46 года.

— Та-ак... Ну, что вы можете нам рассказать о выполнении плана и вообще о работе конторы?

В дальнейшем беседа сильно напоминала популярную детскую игру «Вам барыня прислала сто рублей». Как известно, смысл этой игры в том, что отвечающий не смеет произносить подворачивающиеся на язык слова «да» и «нет», а также наименование цветов: белый и чёрный.

Игра у Чекильцова с председателем комиссии шла так.

— Относительно выполнения плана, — медленно выговаривал Чекильцов, зорко вглядываясь в лицо председателя, — могу сказать то, что план в общем и целом выполнялся.

— Это в общем и целом. А в деталях?

— И в деталях он, тово...

— Выполнялся?

— Если хотите.

— Дело не в том, товарищ Чекильцов, что я хочу. Вы мне скажите: как оно есть на самом деле?

— Я же и говорю.

— Что вы говорите?

— То, что вы спрашиваете, товарищ председатель.

— Так вот я и спрашиваю: по каким рубрикам план у вас не выполняется?

— Ну, это трудно так сразу сказать...

— Цифры, я надеюсь, у вас есть?

— Цифры есть. Куда им деваться? Цифры, они всегда с нами.

— А вы их помните?

— Что именно?

— Да цифры же!

— Это нашего плана циф-ры?

— Ну, да! А то какие же?

— Представьте, не очень. Столько впечатлений, сведений... циркуляров этих... прямо голова пухнет!..

— Ну, а впечатления у вас каковы? Всё ли нормально у вас в конторе?

— Это в каком смысле?

— Да в смысле выполнения плана?

— Ах, плана... Да, план у нас есть...

— Ф-фу, товарищ Чекильцов, это я и без вас знаю, что он есть. А вот вы мне дайте анализ выполнения этого плана.

— Анализ?

— Да вы что, русского языка не понимаете?

— Хе-хе... Как, то есть, не понимаю? Отлично понимаю.

— Ну вот. Стало быть, мы производим обследование деятельности вашей конторы. Вот вы и помогите нам, расскажите: как руководит ваш директор? На месте ли он?

При этих словах в голове Чекильцова мелькнуло: «Вон как ставится вопрос: на месте ли?»

И он, улыбнувшись саркастически, произнёс:

— Да уж, знаете, у нас многим приходил этот вопрос...

— Какой вопрос?

— А вот который вы задали...

— Ну и как же вы считаете?

— Я?..

Чекильцов чуть было не спросил председателя: «А вы как считаете?» Но, вспомнив правила игры, удержался и только испытующе глянул на председателя. Лицо председателя не выражало ничего такого, что можно было бы принять за осуждение деятельности директора конторы. Ввиду этого Чекильцов решил подождать с нападками на своего начальника.

— Хм-м-м... да-а-а, — протянул он, — вопрос сложный... Если хотите знать, даже не нашего ума дело.

— Это почему?

— А как же?! Наш директор назначен главком? Главком. Утверждён министерством? Министерством. Так сказать, имеет данные.

— Он имеет свои данные. А вы — свои.

— Это в каком же смысле?

— Так вы, сотрудник планового отдела, разбираетесь хоть немного в планировании, в организации дела?

— Хе-хе!.. Помилуйте!.. Только этим и занимаемся.

— Вот и расскажите нам.

— О чём именно?

— О чём хотите. Обо всём. Да что вы притворяетесь наивным ребёнком?!

— Помилуйте, какой же ребёнок?.. Скоро двадцать лет, как по этому делу, так сказать...

— Что-то незаметно. Ну, рассказывайте!..

— Кхм... Рассказывать? Сейчас... Кхм-м... А что именно?

Когда через девяносто три минуты, протекившие в беседе с председателем комиссии, Чекильцов покидал кабинет, председатель перешёл со стула на диван, где он, полулёжа, вытирал увлажнённые лоб и шею, повторяя: — Вот это тип!.. Ну и ну!.. Это что ж такое, а?..

А Чекильцов, закрыв за собою дверь кабинета, саркастически улыбнулся, как бы говоря: — Что? Съел? То-то, брат! Не на такого напал!

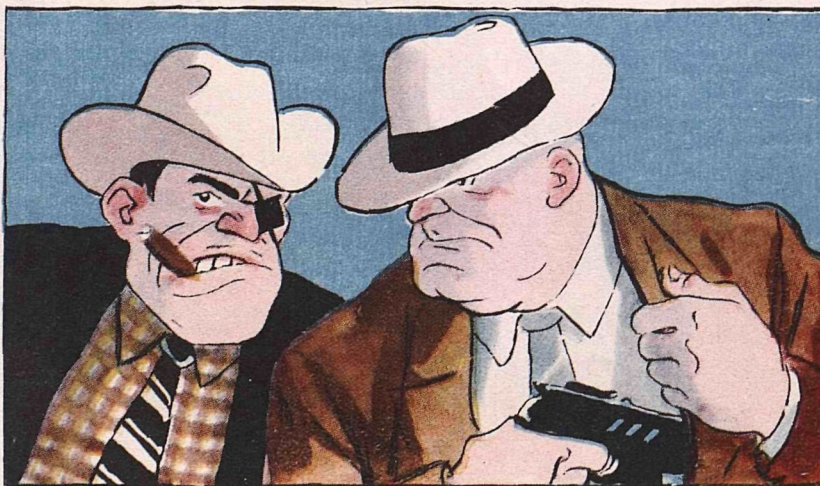
Чекильцов полагал, что игру «Барыня прислала сто рублей» он выиграл целиком и полностью.

Через сутки на доске висело решение комиссии: помощника начальника планового отдела Чекильцова от работы отстранить ввиду полного незнания своего дела.

Так вот Чекильцов и пережит самого себя.

СРЕДИ ГАНГСТЕРОВ

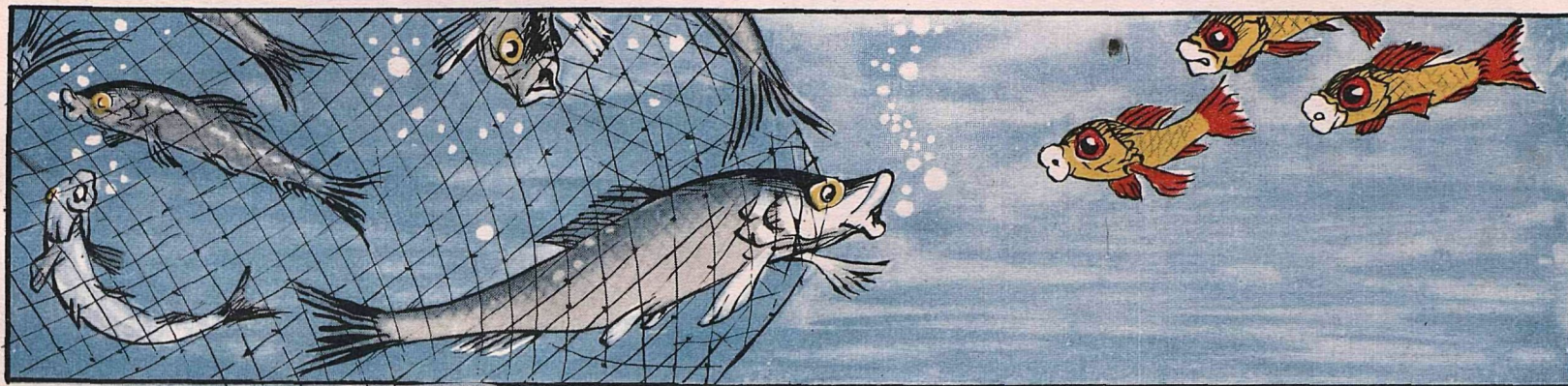
Рис. А. БАЖЕНОВА

— Итак, завтра мы совершим ограбление банка! Полиция предупреждена?

— Да... Но она требует себе половину!

— Ах, негодяи!.. Ведь это же грабёж!

— Не то обидно, что мы попались в сети, а то, что эти бюрократы опять не замаринуют нас во-время!

НАСТОЯЩАЯ НЕПРИЯТНОСТЬ

ТИМОФЕЙ Иванович Бураков купил автомобиль. Блестящий тёмносиний «москвич» с серебристыми ручками на дверцах, со сверкающими никелированными колпаками на колёсах, окаймлённых пунцовыми ободками, во всём великолепии стоял во дворе, у распахнутой двери дровяного сарая, отныне переименованного в «гараж».

Особенно ликовал Вовка—семилетний потомок и светлая надежда семьи. С сияющими глазами он прыгал вокруг машины, гладил её холодную, зеркально-гладкую поверхность, заглядывал в выпуклые фары, ощущал шершавые покрывки, приседал, восторженно хлопал в ладоши и задавал множество вопросов:

— Папочка, а как погудеть?... Папочка, а когда ты меня покажешь?... Папочка, он совсем-совсем наш?..

За ужином все разговоры велись о машине, о предстоящих загородных прогулках, о путешествии к бабушке в деревню, о поездках на рыбалку. Перед сном Вовка озабоченно спросил:

— Папа, а ты сможешь выучиться на шофёра?

— Спи, сынок! Водить машину—это пустяковое дело.

На следующий день утром Тимофей Иванович, садясь в казённую «эмку», дружески похлопал шофёра по плечу и сказал:

— Ну, Вася, предстоит тебе боевая задача: научить меня водить машину. Выезжай-ка на полчаса за город, где поменьше движения, и попробуем.

Некоторое время спустя редкие прохожие на пустынном загородном шоссе с удивлением наблюдали, как по дороге, виляя от кювета к кювету, медленно двигался автомобиль. Его мотор ревел, как пикирующий бомбардировщик. С визгом скрежетала коробка скоростей. Синий дым от обильной смеси пыльным хвостом стлался позади, а из-под радиаторной пробки гейзером вырывался горячий пар.

Тимофей Иванович, цепко ухватившись за руль, потный от возбуждения, тщетно старался придать движению машины прямолинейный ход. Шофёр, болезненно сморщив лицо, то и дело кричал ему на ухо:

— Меньше газу, Тимофей Иванович! Меньше газу!..

В течение нескольких дней Бураков научился вести машину по прямой, без скрежета переключать скорости и безошибочно нащупывать ногой конусную и тормозную педали.

Уже на пятый день Тимофею Ивановичу стало казаться, что он в совершенстве овладел шофёрской специальностью. Несколько преждевременная мысль эта переросла в уверенность. Бураков решил, что он даже способен, как и Вася, управляя машиной одной рукой, другой залезть в карман за папиросами и, не принуждённо повернув голову, сказать этак небрежно:

— Закурим, что ли?

Искушение блеснуть водительским искусством было настолько велико, что Тимофей Иванович так и сделал.

Но тут произошло нечто непредвиденное. Какая-то непреодолимая сила одновременно с быстрым поворотом бураковской головы свернула в ту же сторону и машину. И прежде чем Бураков успел произнести заранее подготовленные слова: «Закурим, что ли?»—автомобиль ударился в придорожное деревцо, раздался треск, звон разбитого стекла, капот обволокло паром. Мотор заглох.

— Приехали! — услышал Тимофей Иванович язвительный голос шофёра и вылез из кабины.

Огорчённый и встревоженный поломкой машины, Вася осмотрел измятый радиатор, разбитые фары, поковерканную облицовку и сказал:

— Изуродовали автомобиль, как бог черепашу!

Однако на лице Тимофея Ивановича не было и тени огорчения.

— Всё равно её уже ремонтировать следовало, — успокоил он шофёра. — Три-четыре лишних сотни рублей из общей сметы по расходу на автотранспорт — вот и весь разговор. В период освоения техники, Вася, и не такие издержки бывают!

Пообещав шофёру прислать за ним грузовую автомашину, Бураков со спокойной совестью бодро зашагал в город.

В ближайшее воскресенье Тимофей Иванович решил испытать свою собственную машину. До этого Бураков выкатывал «москвича» на двор только для того, чтобы смахнуть с него пыль, протереть замшей стёкла и проверить, не появилась ли на сверкающих никелированных колпаках или ручках ржавчина.

Сопровождаемый прыгающим Вовкой, Тимофей Иванович торжественно открыл гараж и вывел машину на двор. Чистой ветошью он стал бережно протирать крылья, капот, кузов. Тут-то и произошла неприятность, так глубоко огорчившая Тимофея Ивановича. Протирая дверку автомобиля, он увидел на её зеркальной поверхности неровно нацарапанное гвоздём слово: «Вова».

Бураков почувствовал, как кольнуло у него в сердце и горький комочек подкатился к горлу. Ухватив вертевшегося тут же сынишку за вихры, он грозно спросил:

— Ты?!

Спустя мгновение голова виновника оказалась зажатой в отцовских коленях, и Тимофей Иванович, плёная «светлую надежду семьи» ладонью по отведённому природой для этой цели месту, зло приговаривал:

— Береги, шельмец, отцовское добро! Береги отцовское добро!

В. ЩЕГОЛЕВ

Ленинград.

Главный редактор — Д. БЕЛЯЕВ. Редакционная коллегия: С. ШВЕЦОВ (зам. главного редактора), А. ВАСИЛЬЕВ, С. ВАСИЛЬЕВ, Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), С. НАРИНЬЯНИ, Б. ПРОРОКОВ, И. РЯБОВ, Г. РЫКЛИН.

Изд-во «Правда». Адрес ред.: Москва, 40, ул. «Правды», 24, тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Приём ежедневно с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал — 3 руб. 60 коп. в месяц.

Москва. Изд. № 376. Подписано к печати 12/V 1949 г. Статформат 72 × 105 см. Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000.

А—05227. Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Заказ № 1250. Тираж 165 000 экз.

38 24 МАЯ 1949

5505 ж

Всероссийская
Книжная Палата
Обяз. экзempl.
1949 г.

В БОЛОТЕ РЕАКЦИИ

Рис. Л. БРОДАТЫ

К визгливому хору политиков, на все лады восхваляющих Североатлантический пакт, присоединил свой голос и Эптон Синклер. Он не только одобрил пакт, — это творение поджигателей войны, — но и позволил себе сделать клеветнические выпады против лагеря прогресса и демократии, против Советского Союза.

Чернильных жаб заморский хор,
Где концертанты были слабы,
Обогащён с недавних пор
Литературной крупной жабой.

В свою брехню она внесла
И яд, и желчь, и смрад, и слякоть, —
Но всё же мир не потрясла
И не смогла его обквкать...